

Петров Н.В.
Мельников К.В.
Иванов Е.А.

Структура элитного пространства России и его эволюция: опыт сетевого анализа

(The structure of Russia's elite space and its evolution: SNA application)

Определяющая роль элит в политических процессах в России являются общим местом в политической науке (Гаман-Голутвина 2016). Изучение элит стало одним из самых популярных направлений, связанных с российскими исследованиями, что позволило сформировать большой пласт литературы, посвященной этому вопросу.

Отдельное внимание уделялось генезису постсоветских элит и их связи с партийной номенклатурой советского периода (Kryshtanovskaya 1996; Lane 1997; Petrov 2017). Результаты этих исследований показали, что постсоветские элиты в значительной степени наследуют советской номенклатуре не только в персональном составе, но и в принципах функционирования. Так возник концепт “неономенклатура”.

Существенные изменения произошли в период первого президентского срока В.В. Путина. На федеральном уровне власти был отмечен приток выходцев из Санкт-Петербурга, включая людей, имеющих биографические и карьерные пересечения со вторым президентом России, а также увеличение доли людей с опытом работы в силовых ведомствах в госаппарате (Крыштановская 2005).

Вместе с этим исследователи заговорили о том, что концепция “неономенклатуры” начала исчерпывать свой эвристический потенциал. А ей на смену пришла концепция “нового дворянства” (Рябов 2008; Rivera, Rivera 2006).

Впоследствии ученым удалось сделать качественный переход от описательных моделей, фиксирующих тенденции, к моделям, позволяющим структурировать элитное пространство и объяснить логику его формирования.

Одной из первых и самой известной стала модель “башен Кремля”, показавшая, что элитное пространство не монолитно, но фрагментировано. А его составные части находятся в состоянии конкуренции. Затем была идея “планетарной системы”, где путинское окружение находилось на орбитах различной удаленности.

Самыми новыми являются модель “Политбюро 2.0”, предложенная Евгением Минченко (Минченко, Петров 2012) и модель “Двора”, описанная Константином Гаазе. Если модель Минченко делает акцент на институтах власти и доступе к государственным позициям, то Константин Гаазе предлагает обратить внимание на неформальные связи, выпадающие из

“Политбюро 2.0”, однако обладающие не меньшим политическим влиянием и экономическими ресурсами.

Тем не менее, несмотря на существенные подвижки в этом направлении, практически ни одна из этих моделей не имеет строгой формализации в соответствии с научным методом. При этом стали появляться работы, позволяющие сдвинуть данную проблему с мертвой точки. За основу в таких исследованиях берётся сетевой анализ формальных и неформальных связей (Дятликович, Чапковский 2011).

Наша работа развивает начинания, предпринятые коллегами. На основе официальных биографий и карты неформальных связей среди 60 представителей высшего эшелона российских элит нами была построена модель, структурирующая элитное пространство и позволяющая судить о его эволюции за последние 20 лет.

Используемая литература

1. Гаман-Голутвина, О. В. (2016). Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке. Политическая наука, (2).Крыштановская
2. О. В. Анатомия российской элиты: Захаров; М.; 2005.
3. Минченко, Е., & Петров, К. (2012). Большое правительство Владимира Путина и Политбюро 2.0. Коммерсант.
4. Рябов, А. (2008). Возрождение" феодальной" архаики в современной России: практика и идеи. Московский центр Карнеги.
5. Дятликович, В., & Чапковский, Ф. (2011). Кто есть кто и почему в российской элите. Социальная сеть» федеральных чиновников. Исследование «РР», Русский Репортер, (35), 213.
6. Kryshtanovskaya, O., & White, S. (1996). From Soviet nomenklatura to Russian elite. Europe-Asia Studies, 48(5), 711-733.
7. Lane, D. (1997). Transition under Eltsin: The nomenklatura and political elite circulation. Political Studies, 45(5), 855-874.
8. Petrov, N. (2017). The Elite: New wine into old bottles?. Russian Politics & Law, 55(2), 115-132.
9. Rivera, S. W., & Rivera, D. W. (2006). The Russian elite under Putin: militaristic or bourgeois?. Post-Soviet Affairs, 22(2), 125-144.